

В заключение я хочу лишь добавить, что основной целью моего исследования было не разрешение заведомо неразрешимых вопросов, а желание на основании современного уровня науки определить место ойнохои из Темир Горы в стилистической последовательности развития родосско-ионийской керамики и дать по возможности полное и объективное освещение проблем, связанных с изучением этого сосуда.

Л. В. Копейкина

A RHODIAN-IONIAN DECORATED OINOCHOE FROM THE TEMIR GORA BARROW

by L. V. Kopeikina

This is both a fine example of ancient Greek vase-painting and a most valuable document for students of the history of Greek colonisation in the North Black Sea coastal region. The author presents a detailed study of the artistic points in the vase's decoration with the aim of placing the vase in the style sequence represented by the evolution of Rhodian-Ionian vase-painting, dating the vase more closely and determining the place of its manufacture. The Temir Gora oinochoe is compared with a group of Rhodian-Ionian pots of similar form (the so-called «flat» oinochoai), the most interesting of which are in the Brussels Museum, the Louvre and the Berlin Museum.

The composition of our oinochoe's decoration, the stylistic features of its drawing, the character of the ground ornament all point to Rhodian-Ionian painted ware of the third quarter of the VII century B. C. And in spite of certain archaisms (the ornamentation of the neck, some motifs in the ground ornament) the Temir Gora oinochoe should be referred to the ripe period of the orientalisising style in Rhodian-Ionian ceramics and dated in the forties of the VII century.

At the present stage of studies in Rhodian-Ionian ceramics the place where this oinochoe was made cannot be finally determined. Of the suggestions made earlier (Rhodes Miletus, Samos), the author objects to C. Walter's arguments for Samos as insufficiently convincing. As to Rhodes and Miletus, this question can be decided only after a more thorough study has been made of the output of the Milesian workshops. However, the author does not rule out the possibility that the Temir Gora oinochoe was made in Miletus.

О ХАРАКТЕРЕ РАБОВЛАДЕНИЯ У СКИФОВ

Все исследователи признают сейчас, что у скифов возникла своя государственность. Некоторые расхождения вызывает лишь вопрос о времени ее возникновения. Зато в более важном вопросе — о характере социально-экономических отношений, господствовавших в этом государстве, — существует полное единодушие. Все высказывавшиеся по этому поводу признают господство в Скифии рабовладельческих отношений, пишут о Скифии как о рабовладельческом государстве. Такое положение в науке сложилось сравнительно недавно.

Дореволюционные ученые мало интересовались социально-экономической историей Скифии, ограничиваясь, как правило, лишь общими замечаниями. Одни полагали, что скифы жили родовым строем¹, другие считали Скифию феодальной державой².

¹ А. С. Лаппо-Данилевский, Скифские древности, ЗОРСА, IV, СПб, 1887.

² См. М. И. Ростовцев, Эллинизм и иранство на юге России, Пг., 1918, стр. 40; он же, Скифия и Боспор Пг, 1925, он же, Iranians and Greeks in South Russia, Oxf., 1922, и др.

Обе точки зрения на первых порах разделяли и некоторые советские исследователи³.

Предположение о наличии у скифов рабовладельческого государства впервые было выдвинуто А. П. Смирновым⁴. По его мнению, оно возникло в V—IV вв. до н. э. и немалую роль при этом сыграло воздействие основанных на северном побережье Черного моря греческих колоний, которое стимулировало развитие товарного производства у скифов. В доказательство приводились некоторые известия греческих авторов, археологический материал и соображение общего порядка — об универсальности рабовладельческого способа производства. «Ограничение античности, как способа производства, только Грецией и Римом, — писал А. П. Смирнов, — приходится отбросить и признать возможную широту его распространения»⁵.

Работа А. П. Смирнова, новаторская для времени ее написания, обратившая внимание на необходимость изучения скифского общества в динамике его развития, получила всеобщее признание и поддержку. Начиная со второй половины 30-х годов наличие и господство в Скифии рабовладельческих отношений стало казаться чем-то само собой разумеющимся. Спор мог идти лишь о времени их становления, но не об их наличии. Существенную роль в утверждении этого взгляда сыграло характерное для советской антиковедческой науки тех лет представление об универсальности рабовладельческой стадии развития. Допускалось, правда, что отдельные народы могли непосредственно перейти от первобытнообщинного строя к феодализму, но уже после гибели рабовладельческого способа производства во всемирноисторическом масштабе, т. е. конкретно после IV—V вв. н. э. У скифов же возникновение государства и, следовательно, становление классовых отношений, когда бы точно это ни случилось, датируется I тыс. до н. э. Следовательно, — делалось заключение — их общество просто не могло быть никаким иным, кроме рабовладельческого. Этот вывод получил всеобщее распространение, мы встречаем его у всех исследователей, занимающихся скифской историей. Под соответствующим углом зрения рассматривались и интерпретировались источники нарративные и письменные.

Правда, не было единодушия в самом понимании характера рабовладельческих отношений у скифов. Все-таки отличие картины, которая рисовалась исследователям в причерноморских степях, от той ее современной, которая воссоставлялась в Греции и Риме, было слишком разительным, чтобы не бросаться в глаза. Не случайно уже А. П. Смирнов писал: «Совершенно неважно, что число рабов у скифов может быть и не достигало таких величин, как в Греции, — потому что в оценке формации основное не количество рабов, а так сказать „их качество“, т. е. то обстоятельство, что производство базируется на рабах»⁶.

С таким решением проблемы недавно полностью солидаризовался А. И. Тереножкин, утверждавший, что «в Скифии простые скотоводы-общинники, очевидно, количественно преобладали над рабами, но подобное соотношение было свойственно, как это хорошо известно, и большинству значительно выше развитых народов древнего мира с рабовладельческим строем общества. При определении общественного строя у скифов главную роль играет не абсолютное количество бывших у них рабов, в чем следует согласиться с А. П. Смирновым, а то, какое они имели значение в производстве»⁷.

По-иному подошел к проблеме М. И. Артамонов. Анализ конкретного материала привел его к убеждению, что нет оснований говорить о значительном распространении рабства в Скифии V—IV вв. до н. э. При этом верно обращалось внимание на ограниченные возможности применения рабской силы в кочевых обществах. Поэтому М. И. Артамонов заключил, что нет достаточных оснований считать скифское общество времени

³ С. А. Семенов-Зусер, Родовая организация у скифов Геродота, ИГАИМК, т. XI, вып. 1, 1931; В. И. Равдоникас, Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья, ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, Ср. Ю. В. Готье, Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства, I, Л., 1925, стр. 246 сл.

⁴ А. П. Смирнов, Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М., 1934.

⁵ Там же, стр. 3.

⁶ Там же, стр. 12.

⁷ А. И. Тереножкин, Об общественном строе скифов, СА, 1966, № 2, стр. 44.

Геродота и близкого к нему рабовладельческим⁸. Отсюда следовал и вывод об отсутствии у скифов в это время государства (которое мыслилось только как рабовладельческое). Государство у скифов, по мнению М. И. Артамонова, все же возникает, но позднее, уже в крымский период их истории, в связи с оседанием кочевников и под влиянием греческих колоний. Именно крымское царство скифов М. И. Артамонов признавал рабовладельческим, оговаривая, что в нем «преобладающее значение имела экономическая кабала, под маской патриархальности граничащая с рабством, а в значительной мере и ничем не прикрытое рабство»⁹.

Сходную позицию занял и Д. П. Каллистов. По его мнению, судя по письменным источникам, рабовладельческие отношения в Скифии V—III вв. до н. э. носили патриархальный характер. Этот вывод опять-таки связывался с заключением об отсутствии у скифов государства, потому что «вопрос о развитии в мире северочерноморских варваров рабовладельческих отношений и вопрос о времени образования в местной среде первых объединений государственного характера сливается в одну общую проблему»¹⁰.

Своеобразием отличались взгляды Б. Н. Гракова, полагавшего, что скифское общество уже в IV в. до н. э. знало все формы рабства древности: рабов-военнопленных, рабов-должников, рабов в виде слуг-товарищей, полученных как дань и идущих за царем в могилу, и, наконец, завоеванных рабов — основных эксплуатируемых производителей в скифском государстве. Появление последних он связывал с завоеванием и закрепощением земледельцев кочевым племенем царских скифов, а положение их рассматривал как особую форму общинного рабства типа плотов или пенестов¹¹.

Нет нужды подробно останавливаться здесь на работах других исследователей. Все они примыкают к какой-либо из упомянутых точек зрения и признают наличие в Скифии в тот или иной период ее истории рабовладельческих отношений.

Однако в последнее время все больше выясняется, что рабовладельческий строй отнюдь не является той всеобщей стадией развития, через которую должно было пройти все человечество. При всей дискуссионности и неясности проблем, связанных с формационной принадлежностью многих обществ древнего Востока, Азии, Африки и Америки, отчетливо выявляется их значительное, возможно даже качественное, отличие от античных. Это побуждает вернуться к проблеме рабства и рабовладельческих отношений у скифов. Тем более что, как показывают новейшие исследования, возникающая на варварской периферии античного мира государственность обладала весьма специфическими, не свойственными античным обществам чертами¹².

Наиболее ранние известия о наличии рабства в Скифии содержатся у Геродота. Повествуя о возвращении скифов на родину после 28-летнего пребывания на Переднем Востоке, отец истории сообщает (IV, 1—4) о якобы имевшем место восстании детей скифских рабов, прижитых ими со свободными женщинами. Первое, что бросается в глаза в этом рассказе, — его очевидная и поэтому давно подмеченная близость с аналогичными рассказами о восстаниях рабов и их усмирениях, созданными в греческой среде и носящими ярко выраженный отпечаток рабовладельческой идеологии¹³. Никто сейчас не сомневается, что сам рассказ оформился в среде греческих поселенцев Северного Причерноморья. Однако считать его чистым вымыслом трудно; скорее всего, в нем содержится намек на реальный конфликт в скифском обществе где-то в конце VII в. до н. э. По-видимому, в приведенной Геродотом повелле отразились события,

⁸ М. И. Артамонов, Общественный строй скифов, ВЛУ, 1947, № 9, стр. 82.

⁹ М. И. Артамонов, Скифское царство в Крыму, ВЛУ, 1948, № 8, стр. 68—

69.

¹⁰ Д. П. Каллистов, Рабство в Северном Причерноморье V—VIII вв. до н. э., сб. «Рабство на периферии античного мира», Л., 1968, стр. 200; он же, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л., 1949.

¹¹ Б. Н. Граков, Скифский Геракл, КСИИМК, XXXIV, М.—Л., 1950; он же, Каменское городище на Днепре, МИА, № 36, М., 1954, стр. 21 сл.

¹² См., например, Т. Д. Златковская, О формах эксплуатации в европейских раннеклассовых обществах. Фракия, ВИ, 1968, № 7; А. М. Хазанов, Первобытная периферия античного мира (на примере Европы), СЭ, 1971, № 6.

¹³ Ср. Негод., VI, 83; Just., III, 4, 8; VIII, 3.

связанные с подчинением одних племен (скифских или первоначально нескифских) другим¹⁴. Конкретный характер этой зависимости для нас остается гадательным, но нет никаких оснований следовать за древними греками, которые, естественно, восприняли ее в рамках привычных для себя категорий как рабскую.

В начале своего рассказа о восстании детей скифских рабов Геродот делает отступление, сообщая (IV, 2), что «всех своих рабов скифы ослепляют» и используют для переработки молока. Подчеркивается, что речь идет о кочевых скифах. Нельзя сказать, что все в этом известии ясно и понятно. Сомнительно, чтобы скифы ослепляли всех своих рабов поголовно, хотя Геродот на этом настаивает, повторяя свое утверждение дважды. Непонятной остается также причинная связь между ослеплением рабов и приготовлением молочных продуктов. Поэтому иногда высказываются догадки, что данное утверждение Геродота основано на лингвистическом недоразумении или же что в этом месте в тексте пропало несколько строк, в которых объяснялось, почему именно для взбалтывания молока требовалось ослеплять рабов¹⁵.

Однако из рассказа все же можно извлечь ценную информацию. С одной стороны, мы узнаем, что военнопленные обращались в рабство. С другой, что сфера применения рабского труда в кочевом хозяйстве скифов была очень невелика и ограничивалась лишь некоторыми домашними работами. Наконец, если ослепление рабов понимать буквально, это свидетельствует о жестоком обращении с ними.

В других частях своего скифского рассказа Геродот добавляет, что полон у скифов был довольно обильным (каждый сотый из пленных мужчин приносился в жертву Аресу — IV, 62), в то время как «покупных рабов у них вовсе нет» (IV, 72). Из первого утверждения никаких определенных выводов делать нельзя. Принесение рабов в жертву, как и любое другое иррациональное, с нашей точки зрения, их использование, само по себе еще не свидетельствует о неразвитости рабовладельческих отношений. Наглядным примером служат бои гладиаторов в Риме. Сообщение о большом количестве пленных тоже мало что говорит о развитии рабовладельческих отношений, коль скоро мы не знаем, как много из них оставлялось для работы в собственных хозяйствах. Ведь военнопленных могли продавать на внешних рынках или использовать каким-либо другим способом.

Более важными представляются слова Геродота об отсутствии у скифов покупных рабов, потому что они свидетельствуют о еще весьма неразвитых формах рабства. Этнографические материалы показывают, что покупное рабство, получая широкое распространение лишь в классовых обществах, все же не является их исключительной прерогативой, нередко встречаясь в ограниченных размерах и в обществах, только лишь переживающих разложение первобытнообщинных отношений¹⁶.

Геродот сообщает также (IV, 71—72), что у скифов на царских похоронах убивают и кладут с царем в могилу одну из его наложниц, а также его виночерпия, повара, конюха, слугу и вестника. Через год после похорон убивают еще 50 слуг (*θεράποντες*) из числа прирожденных скифов, служащих царю по его приказанию. В этих *θεράποντες*

¹⁴ Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России, стр. 33; Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова, Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время, ВССА, М., 1954, стр. 49; И. В. Яценко, Скифия VII—V веков до нашей эры, М., 1959, стр. 110.

¹⁵ См., например, W. W. How, J. Wells, A commentary on Herodotus, I, Oxf., 1912, стр. 303; Комментарий к Геродоту в ВДИ, 1947, № 2, стр. 257, прим. 6; Ф. Мищенко, Слепые рабы у скифов, «Филологическое обозрение», т. XVIII, кн. 2, М., 1900. Н. Kothé, Die königlichen Skythen und ihre blinden Knechte, «Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht», B., 1968 (с библиографией вопроса).

¹⁶ Покупное рабство было известно, например, у алеутов, едва только вступивших в эпоху формирования классов (И. Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. II, СПб., 1840, стр. 165), индейцев Северной и Южной Америки (Ю. П. Аверкиева, Рабство у индейцев Северной Америки, М., 1941; J. H. Steward, L. S. Faron, Native Peoples of South America, N.Y.—Toronto—L., 1959, стр. 243—244), в Меланезии («Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 444) и т. д.

тес иногда видят своеобразных рабов, поставлявшихся скифским царям в виде дани зависимыми племенами; более того, предполагается, что они были не только телохранителями и слугами, но даже основной рабочей силой в хозяйствах царей-басилевсов¹⁷. Каковы основания для такого предположения?

В общем и целом рассказ о царских похоронах подтверждается данными археологии. Но отдельные детали его, по-видимому, не соответствуют действительности или изложены неточно. Ошибочно утверждение Геродота о том, что в царскую могилу кладут только золотые вещи. Не совсем ясно, что понимать под большим общим царским кладбищем в Геррах. Нет подтверждения и указанию Геродота на 50 чучел конных слуг, расставленных вокруг кургана (впрочем, наземные чучела не могли сохраняться долгое время, и тем более не приходится рассчитывать, чтобы остатки их могли уцелеть до наших дней).

Однако наличие в скифских «царских» курганах лиц, убитых специально для сопровождения царей или представителей знати в мир иной, — твердо установленный факт. Оставим в стороне кубанские курганы ввиду их разграбленности, плохой документации раскопок и, главное, неясной этнической принадлежности. Обратимся к Чертомлыку, Солохе, Куль-Обе, Александропольскому, Мелитопольскому и другим курганам, принадлежность которых скифам бесспорна¹⁸. Все погребения, сопровождающие основное, «царское», в них условно можно разделить на четыре группы. (Принадлежность каждого из сопровождающих погребений к одной из этих групп не всегда устанавливается с достаточной уверенностью, но сами группы прослеживаются достаточно четко.)

К I группе относятся женские погребения с богатым сопутствующим инвентарем. Иногда они в свою очередь сопровождаются погребениями женщин, лишенных какого бы то ни было инвентаря, за исключением дешевых украшений (Мордвиновский и Мелитопольский курганы).

II группа представлена довольно богатыми мужскими погребениями с большим количеством оружия: стрел, копий, мечей и даже панцирей, — с изделиями из золота, с предметами, выполненными в зверином стиле (Чертомлык, Солоха).

Большинство погребений III группы уверенно связывается с захоронениями коней, поблизости от которых они обычно и находятся (Чертомлык, Солоха, Козел, Александропольский курган). Они не отличаются богатством, но все же обращает на себя внимание, что покойники лежат в специально вырытых ямах и имеют кое-какой сопутствующий инвентарь, среди которого преобладают скребницы для коней, ножи и стрелы. Костяки их ориентированы традиционно по-скифски: в широтном направлении, головой на запад, режее на восток.

IV группу составляют захоронения мужчин, женщин и подростков, не имеющие ни особой могильной ямы, ни сопутствующего инвентаря, с неустойчивой ориентацией костяков (Чертомлык, Солоха, Мордвиновский курганы). Чаще всего они находятся у входа или в самой камере центрального мужского погребения, режее — женского.

Легче всего определяется социальное положение покойников, погребения которых можно отнести к I и IV группам. Женские погребения с богатым, иногда роскошным инвентарем, конечно, принадлежат наложницам или даже женам¹⁹. Покойники и покойницы без инвентаря и без особых погребальных сооружений должны были быть рабами и рабынями²⁰. В них нельзя видеть *θέραιοντες* потому что Геродот ясно отличает последних от настоящих рабов.

¹⁷ В. Д. Блаватский. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья, СА, XX, М., 1954, стр. 33—34.

¹⁸ См. ОАК за 1865 г., стр. 40 сл.; ОАК за 1912 г., стр. 40 сл.; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 104 сл.; Ростолицев, Скифия и Боспор, стр. 415—437; А. И. Тереножкин, Скифский курган в Мелитополе, КСИА АН УССР, вып. V, 1955, стр. 23 сл.

¹⁹ Едва ли наложницей была пожилая женщина, вместе со своей рабыней-служанкой сопровождавшая на тот свет мужчину в Мелитопольском кургане.

²⁰ Такого же мнения придерживался Б. Н. Граков (см. «Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии», АС, вып. 6, Л., 1964, стр. 127).

Труднее установить, кому принадлежали погребения II и III групп. Именно среди них надо искать Геродотовых *θεράποντες*. Но погребения II группы со значительным количеством оружия и довольно богатым инвентарем свидетельствуют о достаточно высоких социальных позициях лиц, в них покоившихся. Ими могли быть приближенные цари, его дружинники, но уж во всяком случае не рабы. М. И. Артамонов был совершенно прав, когда отмечал, что факт их ухода из жизни вместе с царем ничего не определяет²¹. Сравнительно-исторический материал дает сколько угодно примеров подобной смерти, добровольной или совершенной под давлением господствующих в данном обществе ценностных ориентаций.

Даже социальные позиции лиц, погребения которых относятся к III группе, по-видимому, были значительно выше рабских. Как-никак для них в курганах делали особые погребения, их на тот свет сопровождали орудия производства и даже некоторое количество оружия. Это, видимо, были слуги — конюшие, виночерпий и другие, о которых писал Геродот, — но статус их едва ли можно приравнивать к рабскому.

Анализ археологического материала показывает, что кого бы ни относить к *θεράποντες* — погребенных только III группы или же II и III групп вместе, нет оснований считать их рабами. Сомнительно также, чтобы они были важной производительной силой в скифском обществе.

Характер царских захоронений у скифов, и особенно человеческие погребения в них, дает представление о том, как далеко ушло скифское общество от первобытного равенства. Но сами по себе они не могут ответить на вопросы о том, достигло ли это общество государственности, и тем более о том, какие социально-экономические отношения в нем господствовали. Человеческие жертвоприношения при погребениях встречаются как в классовых обществах, так и в тех, которые едва достигли эпохи классовобразования. Системы эксплуатации в таких обществах также были различными и отнюдь не сводились только к рабству. В их списке мы встречаем Шумер, американских тликиитов и майя, многие африканские государственные образования, особенно Дагомею, где человеческие гекатомбы измерялись сотнями душ, полинезийцев, скандинавов эпохи викингов и т. д. Сообщение Геродота в сопоставлении с материалами царских курганов еще не дает оснований для далеко идущих выводов.

В последнее время найдены рядовые скифские погребения, также содержащие насильственно умерщвленных рабов. Они послужили А. И. Тереножкину основанием для вывода, что у скифов было много рабов и они играли важную роль в производстве²². Но таких погребений все же известно пока совсем немного. Большинство рядовых скифов отправлялось на тот свет без рабов. А главное, даже если допустить, что рабов часто убивали и на похоронах рядовых скифов, то это служило бы скорее аргументом не за, а против тезиса о важном производственном значении рабов. Потому что одно дело цари, а другое — рядовые скифы. При всех обстоятельствах у последних не могло быть особенно много рабов. И если их все же убивали, то, значит, не особенно ценили.

Некоторые сведения о наличии рабства у скифов можно почерпнуть из других источников. Псевдо-Гиппократ (*De aëre*, 28) упоминает о рабынях, которым в отличие от свободных скифских женщин «достаточно лишь одного сообщения с мужчиною, чтобы сделаться беременными; это прямое следствие их трудовой жизни и сухости тела». Судя по термину *αἰ οἰκτίδες* и контексту, речь, скорее всего, идет о домашних рабынях, возможно бывших одновременно наложницами своих господ.

Афиной (XII, 27) сохранил сообщение ученика Аристотеля Клеарха Соллийского о жестоком обращении скифов с рабами или какими-то другими категориями зависимого населения. «... Они дошли до такой степени жестокости, что у всех людей, с которыми вступали в сношения, стали обрезать концы носов... А женщины их татуировали тела женщин фракийцев, живших вокруг них к западу и к северу, накалывая рисунки булавок... Они над всеми господствовали так надменно, что рабское служение у них, для всех соединенное со слезами, разгласило и в последующих поколе-

²¹ Артамонов, Общественный строй скифов, стр. 83 сл.

²² Тереножкин, Об общественном строе скифов, стр. 40—41.

ниях, что значило выражение „от скифов“». В. Д. Блаватский полагает, что «такое тяжелое положение рабов обычно свойственно не патриархальному строю, а развитым рабовладельческим отношениям»²³.

По-видимому, это утверждение основано на довольно распространенных взглядах о мягкости домашнего (патриархального) рабства, особенно по сравнению с его античными формами. Однако главным признаком патриархального рабства служит не более легкое положение рабов, а ограниченность применения рабского труда в хозяйстве. Само же положение рабов варьирует в различных обществах очень сильно. Известно много случаев, когда в обществах, еще не достигших государственности, с рабами обращались с крайней жестокостью²⁴. Известны и противоположные примеры. Э. О. Берзин справедливо отметил, что в обществах, вступивших в эпоху классовообразования, известны две полярные формы отношения к рабам — крайнее подавление и, напротив, сравнительно мягкое обращение с ними, и что обе они вызваны одной причиной — отсутствием специального аппарата подавления²⁵. Я бы добавил только еще одну причину — отсутствие емкой сферы применения рабского труда, в результате чего раб как производительная сила ценился не особенно высоко.

Как доказательство распространенности в Скифии рабовладельческих отношений нередко приводится случай, происшедший во время войны скифского царя Атея с фракийским племенем трибаллов, переданный Полиеном (Strat. VII, 44, 1) и Фронтином (Strat. II, 4, 20). Атей, желая убедить противника, что к нему идут подкрепления, приказал показаться вдали с табунами и стадами, по Полиену, «земледельцам и коневодам», по Фронтину — «женщинам, детям и всей нестройной толпе» (*imbellis turba*). Из этого рассказа иногда делают слишком ответственные выводы. Под *imbellis turba* понимают обращенных в рабство покоренных земледельцев и коневодов²⁶. Однако ни у Полиена, ни у Фронтина об этом не говорится ни слова. В лучшем случае мы можем строить предположение о подчиненном, неполноправном положении какого-то земледельческого и скотоводческого населения, лишенного орудия. Но нет никаких указаний на то, что его можно приравнивать к рабам.

Таковы сведения о рабстве у скифов, которые можно извлечь из античной традиции и данных археологии. Дают ли они достаточно оснований для утверждений о господстве в Скифии рабовладельческих отношений? На мой взгляд, нет. Напротив, то, что мы знаем о бесспорных случаях рабства в Скифии, говорит скорее об ограниченном использовании рабского труда (рабы и рабыни, занятые в домашнем производстве, калечение рабов, отсутствие покупных рабов). Рабы у скифов, безусловно, были. Но нет никаких оснований полагать, что именно их труд лежал в основе производства. К тому же часть рабов могла поставляться на греческие рынки (Strabo, XI, 2, 3). Тем более любопытно, что, как показывает интересное исследование В. А. Гольденберга, вывоз рабов из Северного Причерноморья, надежно зафиксированный в источниках, все же никогда не был особенно большим²⁷. Дело явно не в ограниченности спроса, а в ограниченности предложения. Следовательно, косвенным образом еще раз подтверждается сравнительно небольшое количество рабов в Скифии. Сотни военнопленных, о которых писал Геродот, были на поверку не такими уж многочисленными или же не все пленные обращались в рабство.

²³ Блаватский, ук. соч., стр. 25. С ним солидаризовался А. И. Тереножкин («Об общественном строе скифов», стр. 43).

²⁴ Многочисленные примеры см. Н. J. Nieboer, *Slavery as an Industrial System*, The Hague, 1900.

²⁵ Э. О. Берзин, Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций, сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966, стр. 65.

²⁶ Граков, Скифский Геракл, стр. 10; оп же, Каменское городище на Днепре, стр. 23; Блаватский, ук. соч., стр. 35.

²⁷ В. А. Гольденберг, Северное Причерноморье как рынок рабов для средиземноморского мира, ВДИ, 1953, № 1; см. также Граков, Каменское городище на Днепре, стр. 18—19; Н. И. Соколовский и Д. Б. Шелов, Историческая роль античных государств Северного Причерноморья, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 52—53.

Данные этнографии и истории согласно говорят об очень ограниченном развитии рабства у кочевников. Это объясняется прежде всего специфическими условиями кочевого хозяйства, не требующего большого количества рабочих рук. Здесь вполне применимы слова К. Маркса о том, что «в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала, по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота...»²⁸. Например, у туркмен в недавнем прошлом стадо из 400—800 голов мелкого скота обслуживалось одним пастухом с подпаском²⁹. В Монголии один человек мог управиться со стадом из 150—200 овец и даже из 500, если он имел коня; два всадника — со стадом из 2 тыс. голов. Один человек мог выпасать стадо, состоящее из 150 лошадей³⁰.

Кроме того, раб, занятый пастбой и уходом за скотом, всегда мог найти благоприятный момент для бегства, и это обстоятельство опять-таки ограничивало возможности производственного использования рабской силы.

Возможны ли исключения? А. П. Смирнов полагает, что да. «По-видимому, — пишет он, — рабство развитого типа возможно в некоторых случаях и в скотоводческом хозяйстве»³¹. Посмотрим, как обстоит дело на практике. Пожалуй, ни в одном кочевом обществе рабовладение не достигло такого распространения, как у туарегов Сахары³². Но даже у них соотношение рабов и амгидов — основных производителей, обязанных различными повинностями в пользу туарегской аристократии, обладавшей верховной собственностью на землю и пастбища, выражалось как 2 : 3. Если же сравнить их роль в системе хозяйства, то соотношение еще больше изменится в пользу амгидов³³. В то время как последние были основными производителями в туарегском обществе, рабы использовались в первую очередь для домашних работ. Они разбирали и собирали шатры, носили воду, собирали топливо, готовили, стирали, ухаживали за детьми. Лишь в ограниченных размерах рабский труд использовался при пастбе скота, рытье колодцев и добыче соли. При этом хотелось бы отметить три обстоятельства, в известной мере делающих значительное развитие рабства у туарегов уникальным явлением. Во-первых, природные условия Сахары не позволяли туарегской аристократии — ахаггарам кочевать вместе с зависимыми от них амгидами и поэтому лишали их возможности использовать в своих хозяйствах труд последних. Во-вторых, непосредственно к югу от Сахары находились страны Тропической Африки — главный ре-

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. 2, стр. 327.

²⁹ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, СЭ, 1971, № 1, стр. 82.

³⁰ T. O m i o G o t o, On the Nomadic Unit-Groups of the East Mongols in the Recent Times, «Proceeding VIIth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», II, Tokyo, 1968, стр. 95—96.

³¹ А. П. Смирнов, Происхождение рабовладения, сб. «Ленинские идеи в изучение истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М., 1970, стр. 130.

³² См. H. D u v e y r i e r, Les Touareg du Nord, P., 1864, стр. 336, 339; H. L h o t e, Les Touareg du Hoggar (Ahaggar), P., 1955, стр. 204, 269; J. N i c o l a i s e n, Slavery among the Tuareg in the Sahara, A preliminary analysis of the structure, «Kuml», 1958.

³³ Хотелось бы по возможности рассеять одно заблуждение, с легкой руки отдельных исследователей (Л. А. Е д љ и ц к и й, Возникновение и развитие рабства в Риме, М., 1964, стр. 93 сл.) попавшее в некоторые скифоведческие работы. Упомянутый автор считает амгидов коллективными рабами. С этим трудно согласиться. Племена амгидов, действительно, находились в коллективной зависимости от аристократических туарегских племен (ахаггаров). Но выражаясь в уплате натуральных подачек и некоторых других, более мелких повинностях, она не шла дальше вассалитета или самых ранних форм коммандации и фактически выглядела как разновидность даночных отношений. Юридическая дееспособность амгидов не была ограничена, а их сословные права были весьма велики (см. А. И. П е р ш и ц, Общественный строй туарегов Сахары в XIX в., сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968, стр. 339 сл.). Называть все это рабством можно лишь в том случае, если распространять понятие рабства на любую форму внеэкономической зависимости, существовавшей в древнем мире, да и не только в нем, что, к сожалению, часто и делается.

зервуар рабов для всего Ближнего Востока, и участвовавшие в работорговле туареги совершали на них регулярные набеги. Это уже было отмечено А. И. Першицом³⁴. Заслуживает внимания и еще один момент. Важной сферой использования рабского труда у туарегов были добыча соли и рытье и поддержание в порядке колодцев. Последнее едва ли могло иметь столь же существенное значение у скифов³⁵.

Нельзя также думать, что рабы у скифов играли значительную роль в ремесле. Материалы Каменского городища, вероятной столицы царства Атея, показывают, что металлургами были свободные члены общества, пусть и обложенные определенными повинностями. Металлургия же была самым развитым и единственно обособившимся видом ремесла у скифов³⁶. Нет оснований и предполагать значительное распространение рабства среди земледельческих скифских племен. Против такого предположения говорит наличие у них общины с верховной собственностью на землю и ежегодных переделов земли³⁷, что не могло не препятствовать развитию рабовладения.

Таким образом, анализ источников и письменных и археологических показывает, что рабство, безусловно, было известно в Скифии, но развитие его в V—IV вв. до н. э. не пошло дальше стадии домашнего. Нет никаких оснований полагать его ведущей формой эксплуатации. Означает ли это автоматически отсутствие в Скифии государства? На мой взгляд, нет. В этой связи самого пристального внимания заслуживают те отличия от рабства формы эксплуатации, на наличие которых в Скифии намекают источники.

По-видимому, рассказ о восстании потомков скифских рабов следует сопоставлять с Геродотовым же описанием царских скифов, самых лучших и многочисленных и «считающих прочих скифов своими рабами» (IV, 20). Оба свидетельства отражают сложный характер скифского объединения, в котором одни племена находились в зависимости от других, причем степень этой зависимости могла варьировать. Некоторое представление о характере такой зависимости может давать относящееся к более позднему времени сообщение Страбона о крымских скифах (VII, 4, 6): «Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением установленной умеренной дани не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей: в случае же неуплаты денег даниками начинают с ними войну».

В Северном Причерноморье на протяжении многих столетий стабильно существуют тип объединения, в которых одно племя доминирует над другими, находящимися от него в даннической зависимости. Так же прочно удерживается и греко-римская интерпретация идеологии главенствующего племени, рассматривающего остальных как своих рабов. Но при ближайшем рассмотрении нетрудно убедиться, что речь идет всего лишь о зависимости даннического типа.

С одной стороны, помимо царских скифов известны царские язиги³⁸, царские сарматы (Ptol., V, 8, 16), впоследствии — царские гунны (Prisc. Pan., fr. 1). С другой, — на примере язигов видно, какой характер отношений преобладал между царскими и остальными племенами объединения. Язиги, оказавшись в дунайском междуречье, к концу I в. н. э. подчинили местное оседлое население, которое обязано было уплачивать им подати (Tas., Germ. 43). Подчинение земледельческих племен кочевым в язигском объединении, очевидно, сохранилось до IV в. н. э., когда в последние годы правления Константина I в нем произошел раскол. Зависимое племя (или племена) сарматско-лимингянты восстали против господствующего племени сарматов-аркарагантов и изгна-

³⁴ Першиц, ук. соч., стр. 352.

³⁵ Ср. Негод., VI, 47: «Особенности жизни скифов благоприятствует сама земля и содействуют реки: земля их, представляя собою равнину, изобилует травой и хорошо орошена; на ней протекают реки, по числу лишь немногим уступающие каналам в Египте» или IV, 53: «...Борисфен... доставляет стадам прекраснейшие и очень питательные пастбища...».

³⁶ Граков, Каменское городище на Днепре, стр. 58 и др.

³⁷ М. И. Артамонов, О землевладении и земледельческом празднике у скифов, «Уч. зап. ЛГУ, Серия ист. наук», 1946, вып. 15, № 95.

³⁸ Strabo, VII, 3, 17; App., Mithr. XII, 67, 2.

ли их из своих областей. Только с помощью Констанция II изгнанники смогли вернуться обратно за Дунай³⁹. Кем были сарматы-лимиганты этнически — потомками досарматского населения (вероятно, кельтского происхождения) или же осевшими на землю сарматами, не важно. Важнее в данном случае другое: все римские авторы, писавшие об этом восстании, называют сарматов-лимигантов рабами⁴⁰. Однако наиболее полное описание событий, содержащееся у Аммиана Марцеллина, не оставляет сомнений в том, что на самом деле они были земледельческим племенем, сохранившим свою внутреннюю автономию и лишь обязанным кочевникам определенными повинностями. Подобное же зависимое, но отнюдь не рабское население, очевидно, имеет в виду и Тацит (Ann. XII, 17), когда повествует о том, что сарматы-сираки, осажденные в своем племенном центре Успе, предлагали выдать в обмен на свою жизнь 10 тыс. рабов (*servitii decem milia*).

Имеются намеки на существование наряду с данничеством у скифов еще одной формы эксплуатации — эксплуатации обедневших сородичей и соплеменников. Уже Пиндар сообщает о наличии среди кочевых скифов лиц, не имеющих даже дома, перевозимого на телеге, к тому же, вероятно, неполноправных⁴¹. Псевдо-Гиппократ (De aëre, 30) упоминает о бедняках-скифах, не имеющих даже возможности регулярно пользоваться лошадью. Наконец, у восходящего к раннему времени источника Луккиана содержатся сведения о «восьминогих» скифах — владельцах лишь пары быков и одной повозки (Luc., Scyth. 1). Археологические материалы также подтверждают глубокую имущественную дифференциацию уже к IV в. до н. э. Лица, лишенные возможности вести самостоятельное хозяйство, неизбежно вынуждены были идти в услужение к своим богатым соплеменникам, работать в их хозяйствах или пасти их скот, — словом, становились эксплуатируемой категорией населения. В таких людях можно с не меньшим основанием видеть *imbellis turba*, чем в зависимых и якобы поработанных племенах.

Конечно, и данничество, и эксплуатация обедневших соплеменников, положение которых нередко отождествляется с кабальными формами зависимости⁴², не остались незамеченными. Исследователи писали о них довольно много. Но в соответствии с господствующей точкой зрения их пытались «подтянуть» к рабству, представить как его разновидность. В результате данничество и подвластность одних племен другим стало выглядеть как завоевательное рабство типа плоти и т. п.⁴³. Вместо кабальных форм эксплуатации, которые и сами-то в источниках не отмечены (так что о них можно говорить лишь предположительно, исходя из наличия в Скифии обедневшего населения, лишенного возможности вести самостоятельное хозяйство), пишут о кабальном или даже долговом рабстве⁴⁴, видимо не усматривая здесь существенных различий.

Однако на самом деле и данничество, и кабальная зависимость не тождественны рабству (хотя содержат в себе в недифференцированном виде отдельные его элементы), а являются особыми формами эксплуатации. Чтобы убедиться в этом, следует обратиться к их генезису.

³⁹ Amm. Marc., XVII, 12, 18; Anon. Vales., 32.

⁴⁰ См., например, Anon. Vales., 32: *servi Sarmatarum adverum omnes domi-nos rebellarunt*.

⁴¹ Pind., fr. 105 (Schol., Arist. Avv. 945).

⁴² Я пользуюсь этим термином (о смысле его см. ниже, стр. 169), потому что он получил распространение в советской этнографической и первобытноисторической литературе (см., например, С. А. Токарев, Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., Якутск, 1945 стр. 103 сл.; Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, ВП, 1954, № 6, стр. 85; Ю. И. Семенов, Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации, сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968, стр. 250 сл.; А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев, История первобытного общества, М., 1968, стр. 189) и к тому же часто употребляется скифологами.

⁴³ Граков, Каменское городище на Днепре, стр. 14, 21—23; Тереножкин, Об общественном строе скифов, стр. 42—43; А. П. Смирнов, Скифы М., 1966, стр. 144.

⁴⁴ Артамонов, Скифское царство в Крыму, стр. 66—69; Граков, Каменское городище на Днепре, стр. 21; Блаватский, ук. соч., стр. 35; Яценко, ук. соч., стр. 116.

Подобно рабству, данничество и близкие к нему формы эксплуатации, заключающиеся в том, что находящиеся в зависимости коллективы отдают часть произведенного продукта и выполняют иные повинности в пользу своих более сильных соседей, возникают в эпоху разложения первобытнообщинного строя. Различия между данничеством и рабством весьма отчетливы; во-первых, данничество — вид коллективной, а не индивидуальной зависимости; во-вторых, находящиеся в такой зависимости коллективы сохраняют обычно свою экономическую и социальную структуру, хотя чаще всего и в несколько трансформированном виде; в-третьих, положение данников, обладающих собственным хозяйством и собственной общинно-племенной организацией, обычно значительно легче положения рабов. Достаточно заметно даже отличие данничества от коллективного рабства (если последний термин вообще имеет право на существование). В данном случае данников отличает неинтегрированность в социально-экономическую структуру господствующего коллектива.

Только в ходе дальнейшего развития, в классовом обществе, данники по своему положению и характеру эксплуатации постепенно сближаются с основными категориями зависимого населения. При этом они нередко очень долго сохраняют своеобразные черты. Так, коллективная форма эксплуатации и различная степень отчуждения членов подчиненных коллективов от средств производства могут приводить к тому, что положение их и с правовой и фактической точек зрения выглядит весьма своеобразно, сочетая черты рабства с зависимостью крепостнического типа. Не желая вдаваться здесь в обсуждение тех форм зависимости, которыми определялось положение илотов в Спарте, мноитов и войкеев на Крите, марнандинов в Гераклее Понтийской или пенестов в Фессалии, не могу не отметить, что если их нередко и считают рабскими, то в значительной мере потому, что они отмечены в том регионе, где господствовали рабовладельческие отношения, и в тот период, когда они господствовали. «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, — писал еще Энгельс, — мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю...»⁴⁵.

Но если и считать илотов или пенестов рабами (что само по себе может вызывать сомнения), то нет никаких оснований сближать с ними зависимые племена Скифии. Об этом совершенно справедливо писал В. Д. Блаватский⁴⁶. Источники, во всяком случае, не дают для этого никаких оснований. Напротив, они позволяют полагать, что зависимые племена сохраняли в основном прежний образ жизни и многие формы своей социальной организации, а зависимость их выражалась главным образом в уплате дани и некоторых иных повинностях.

Различные виды внутриобщинной эксплуатации, и в их числе кабальная, также возникают еще в недрах разлагающегося первобытного общества. По мере того как в нем появляются люди, лишенные полностью или частично средств производства и возможности вести самостоятельное хозяйство, получает распространение эксплуатация лиц, живущих на положении младших родственников, клентов, слуг или работников в хозяйствах богатых соплеменников или даже практикующих издольную аренду. Как показывает сравнительный материал, положение лица, находящегося в кабальной зависимости существенно отличается от рабского уже тем, что оно обладает личной свободой и социальными правами, хотя нередко и в ограниченном размере. Кабальная зависимость известна и в раннеклассовых обществах, и только в ходе дальнейшего развития доминирующими постепенно становятся те ее черты, которые соответствуют господствующему в обществе способу производства. О конкретных проявлениях кабальной зависимости в Скифии можно только делать более или менее правдоподобные догадки, при этом сама правдоподобность их в сущности зависит от общей точки зрения на скифское общество. Данных же о кабальном рабстве у скифов, как правильно отметил А. И. Тереножкин, в источниках нет⁴⁷.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 112.

⁴⁶ Блаватский, ук. соч., стр. 33.

⁴⁷ Тереножкин. Об общественном строе скифов, стр. 40.

Предпринятое рассмотрение письменных и археологических источников (в основном относящихся к V—IV вв. до н. э.) о формах зависимости в Скифии имело своей целью показать отсутствие серьезных аргументов в пользу существования в Скифии этого времени рабовладельческого государства. Но это не означает, что я согласен со взглядами тех, кто относит возникновение скифской государственности лишь ко II—I вв. до н. э. По-прежнему верным представляется мнение Б. Н. Гракова о возникновении у скифов государства в IV, может быть, даже во второй половине V вв. до н. э. В данной статье неуместно излагать сколько-нибудь подробную аргументацию в его защиту: цели статьи иные. Отмечу только, что упомянутое мнение, на мой взгляд, наилучшим образом согласуется как с письменными источниками (Thuc., II, 97), так и с археологическим материалом (возникновение крупного ремесленного и административного центра городского типа — Каменского городища на Днепре, роскошные погребения скифской знати — характерная черта многих раннеклассовых обществ, появление монетного чекана, пусть в самом ограниченном размере, и т. д.).

Однако возникшее в Скифии государство было не рабовладельческим, а, по всей видимости, государством раннеклассового типа. Под последними подразумеваются первичные политические образования с недостаточно развитыми классовыми структурами, в которых отношения эксплуатации представлены различными, еще окончательно не устоявшимися формами без отчетливого и, главное, необратимого преобладания какой-либо из них. В Скифии с большей или меньшей долей вероятности прослеживаются три подобные формы: данничество, рабство, кабальная зависимость. Могли быть и другие, оставшиеся нам неизвестными. По всей видимости, в Скифии времен Атея ведущей формой эксплуатации было данничество как результат подчинения одних племен другим, в первую очередь земледельческих — кочевым. И в этом отношении трудно не согласиться с Б. Н. Граковым, хотя, на мой взгляд, нельзя видеть в данничестве зависимость рабского типа.

Пошло ли социальное развитие скифского общества дальше отношений раннеклассового типа, сказать трудно. Для этого подчиненное население скифского объединения должно было интегрироваться в общество победителей значительно более прочно, чем это наблюдается в V—IV вв. до н. э., а данничество должно было уступить место более развитым формам эксплуатации и зависимости. Не исключено, что подобный процесс происходил в скифском царстве в Крыму, в котором существенно ослабляется тот кочевой элемент, который главенствовал в царстве Атея. Однако и допустив подобное предположение, нельзя а priori считать царство в Крыму рабовладельческим. Оно могло быть таковым, но, как справедливо отмечал Б. Н. Граков, «напрасно мы стали бы искать в известиях авторов и тем более в современных нам литературных данных доказательств рабовладельческого строя этого государства»⁴⁸. Возможным представляется и развитие скифского общества в феодальном (протофеодальном) направлении с эволюцией данничества в продуктовую ренту. Наконец, не исключено и его развитие по теоретически еще недостаточно осмысленному пути, который, видимо, характеризуется тем, что господствующий класс через аппарат принуждения получает посредством внеэкономической эксплуатации прибавочный продукт от производителей, не отделенных от средств производства и объединенных в соседские общины, а затем перераспределяет его в своей среде.

Однако все это не более чем возможные пути развития. Для какого-либо позитивного решения вопроса данных явно недостаточно.

А. М. Хазанов

THE CHARACTER OF SLAVERY AMONG THE SCYTHIANS

by A. M. Khazanov

The author puts forward his objections to the widely held view that Scythian society was based on slavery. In his opinion slaveowning relations in Scythia had not gone beyond the domestic stage. The state which arose in the V-IV centuries B. C. was of an early class character, based on various forms of exploitation; slavery, *kabala*-type bondage and subjection to tribute, with the last form predominating.

⁴⁸ Граков, Каменское городище на Днепре, стр. 30.